

А.Н. Круглов

«СВЕТ» И «ТЬМА» КАНТА И КАНТОВЕДЕНИЯ

Круглов Алексей Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной философии. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6; e-mail: akrouglov@mail.ru

В юбилейный 2024 г. неоднократно возникал вопрос о причинах обращения к И. Канту и сохранения интереса к его философии. Во-первых, Кант давно стал неустрашимым элементом русской культуры, а в качестве исторического персонажа он по-прежнему вызывает интерес у широкой публики. Во-вторых, в нововременной философской традиции Кант занимает центральное место, которое невозможно игнорировать при нахождении внутри этой традиции и согласии с ее базовыми предпосылками. Кант как философ имеет целый ряд «светлых» сторон: понимание достоинства личности, «спасение» человеческой свободы, критический метод, рефлексия по поводу потенциала и границ нашего познания. К «темным» сторонам кантовской философии относится проблема расизма, сегрегационного понимания «человечества», роли женщины и ее избирательных прав. Кантоведение как особая ветвь историко-философской науки достигло впечатляющих достижений в прояснении ряда кантовских положений. Примерами таких прорывных работ могут служить штудии Дж. Тонелли, Н. Хинске, В. Штарка. В то же время необозримый поток исследовательской литературы о Канте делает невозможным основательное ориентирование в ней, а последовательная англизация современного кантоведения исключает из сферы внимания существенные пласты кантоведческих исследований на других языках. Несмотря на большую переводческую работу отечественного кантоведения, к настоящему моменту накопилось заметное число переводческих проблем в русскоязычных текстах Канта, и малореализованным потенциалом для дальнейшего улучшения качества перевода кантовских текстов на русский язык могла бы стать кооперация с переводчиками Канта на славянские языки.

Ключевые слова: Кант, кантоведение, российское кантоведение, человечество, русская литература, переводы Канта

Для цитирования: Круглов А.Н. «Свет» и «тьма» Канта и кантоведения // Философский журнал / Philosophy Journal. 2025. Т. 18. № 2. С. 23–33.

Вопрос «Почему Кант?» в такой формулировке выглядит буквально переводом с немецкого языка: «Wozu...?». Во второй половине XX в. в Германии была целая серия таких проблемных публикаций¹. На этот вопрос о Канте важно ответить, потому что особенно в юбилейном 2024 г. широкую публику настолько «перекормили» Кантом, что подобный вопрос возникает невольно. Почему о Канте, родившемся 300 лет назад и давно умершем, все еще стоит говорить сегодня? Произведения его давно известны и, как кажется, изучены – зачем вести разговор о них заново?

Во-первых, Кант как человек и как историческая личность уже до такой степени стал неотъемлемой частью культуры, в том числе и русской культуры, что, даже если кому-то по политическим причинам захочется его оттуда вычеркнуть², это вряд ли получится, потому что он там все равно в каком-то виде останется³. Кроме того, Кант – это такой исторический персонаж, который в силу каких-то странных, может быть, приводящих обстоятельств вызывает интерес у широкой публики, причем даже у такой, которая вряд ли когда-либо открывала непосредственно его философские произведения. Широкое восприятие различных философов весьма неоднородно: кто-то известен исключительно своими работами, о ком-то известно достаточно биографических сведений, но при этом они не вызывают особого интереса, а кто-то, напротив, всегда привлекал внимание не только своими произведениями, но и своим образом жизни и тем, что это был за человек – словно иллюстрируя известный афоризм И.Г. Фихте: «Какую кто философию выберет, зависит поэтому от того, какой кто человек...»⁴. К последней группе как раз и относится Кант, поэтому широкие круги проявляют интерес к этому чудаковатому, в каких-то отношениях неординарному, а в каких-то, напротив, очень заурядному человеку⁵. Если бы Кант не стал таким философом, в которого он уже давно превратился, на него не пытались бы так активно ссылаться (причем зачастую те, кто едва ли знаком с его философскими текстами) для придания собственной позиции большей весомости авторитетом кенигсбергского мыслителя. Ссылка на авторитет Канта, с основанием или без такового, выглядит для многих весьма удачной и выгодной тактикой.

Если же, во-вторых, говорить о Канте и его философии в узком, профессиональном смысле, то я бы привел следующую аналогию. В России транспортная система (особенно авиационная и железнодорожная) сложилась таким образом, что куда бы путешественник ни направлялся, ему почти всегда приходится ехать через Москву – даже если это поездка из одного сибирского города в другой сибирский город. Как бы это ни казалось странным и абсурдным, но нередко пересадка при этом осуществляется именно в Москве.

¹ См., например: *Lenk H. Wozu Philosophie. Eine Einführung in Frage und Antwort.* München, 1974; *Wozu Philosophie? Stellungnahmen eines Arbeitskreises.* Berlin; New York, 1978.

² Тему «вычеркивания» на примере Канта, И.Г. Фихте и Ф.Г. Якоби художественно очень удачно обыграл С.Д. Кржижановский (см.: *Кржижановский С.Д. Якоби и «Якобы» // Кржижановский С.Д. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1.* СПб., 2001. С. 107–122).

³ Вместе с Кантом придется элиминировать и значительные пласты собственно русской культуры, что хорошо видно на примере Л.Н. Толстого (см.: *Мысли Иммануила Канта, выбранные Л.Н. Толстым.* М., 2020).

⁴ *Фихте И.Г. Первое введение в наукоучение // Фихте И.Г. Сочинения: в 2 т. Т. 1.* СПб., 1993. С. 460.

⁵ См. о роли и значении кантовских биографий: *Круглов А.Н., Саликов А.Н., Жаворонков А.Г. Ранние биографии Канта и их значение для понимания его философии // Историко-философский ежегодник. 2023. Т. 38.* С. 205–252.

В той философской традиции Нового времени, в которой мы по-прежнему еще находимся, Кант занимает приблизительно такое же место, какое в транспортно-системе России занимает Москва. Можно захотеть проехать мимо столичного города, и иногда такие возможности и в самом деле предоставляются, но они весьма редки. По сходной причине многие современные философы вынуждены, даже если им не всегда хочется, в той или иной степени обращаться к Канту. И если продолжить эту аналогию, то можно допустить, что с течением времени транспортная система в России изменится, и путешествие из пункта А в пункт Б исключительно через Москву перестанет быть необходимостью. И если основания актуальной философской традиции в будущем будут подвергнуты серьезному переосмыслению, возможно, и Кант потеряет то доминирующее место, которое он занимает сегодня. Это не значит, что о нем вовсе забудут, но тогда, вероятно, он не будет иметь центрального значения. Однако до тех пор, пока мы все еще пребываем в актуальной философской традиции и разделяем ее основания, то вольно или невольно, но мы регулярно вынуждены обращаться к Канту. Правда, это обращение все же осуществляется не так, как это хотелось бы пожилому Канту. В заключительный период его жизни у него появилась претензия на то, что он создал новое философское здание в виде новой трансцендентальной философии, настолько прочное, что на долю потомков останется лишь дело некоторых косметических доделок и изменений. Но так это точно не выглядит в исторической перспективе с конца XVIII в. и по наши дни. В лучшем случае от Канта остался какой-то каркас, общее направление и замысел, а содержательно очень многое существенно изменилось. Впрочем, может быть, что не совсем позднему, а еще зрелому Канту в полноте его философской силы это бы даже и понравилось, ибо «когда действительно всерьез предаются размышлениям с целью отыскания истины, то больше не щадят даже собственных произведений, хотя бы и казалось, что они обещают заслугу перед наукой...»⁶. Кант по-прежнему будоражит мысль, он будоражит мысль своей открытостью и интеллектуальной честностью, потому что мы видим, что ему приходится регулярно делать такие выводы, которые ему неприятны, но которые все-таки вытекают из той совокупности положений, которые он принимает и которые он развивает.

Кант привлекает многим и разным: своими, казалось бы, сегодня анахроничными, но по-прежнему эвристичными представлениями о пространстве и времени; своей Коперниканской революцией, как бы мы ее сегодня ни интерпретировали; далеко не реализованным нами потенциалом своего критического метода; раздумьями о различных разумных существах. Примечательно, что несмотря на специфический язык собственной философии, Канту удалось некоторые из своих ключевых мыслей облечь в такую форму, что ее можно уяснить и без специальной философской подготовки. Это справедливо для ставшего уже легендарным различения учить философии или учить философствовать⁷ или знаменитого толкования горацевского «sapere aude» как «имей

⁶ Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum*). М., 2000. С. 92. Refl. 5116.

⁷ См. об этом подробнее: Хинске Н. Первоначальная интуиция и [дальнейшая] догматизация. Кантово различение между «учиться философии» и «учиться философствовать» и его предыстория. Программная идея самостоятельного мышления // Хинске Н. Между Просвещением и критикой разума: этюды о корпусе логических работ Канта; Без примечаний: афоризмы. М., 2007. С. 59–81.

мужество пользоваться своим *собственным* рассудком»⁸. Именно поэтому к Канту раз за разом обращаются в том числе и те, кто специально философией не занимаются. Например, А.А. Блок под впечатлением кантовских юбилейных торжеств, намечавшихся в 1904 г., после знакомства с трансцендентальной эстетикой «Критики чистого разума», с учением Канта о пространстве времени написал удивительное стихотворение «Сижу за ширмой»⁹. Это же касается и ряда художественных произведений С.Д. Кржижановского приблизительно того же времени¹⁰.

Таким образом, самыми разными чертами своей философской деятельности Кант привлекает как широкие круги читателей, как более узкие круги философов, так и какую-то часть литераторов и интеллектуалов. Я думаю, в обозримый период времени этот интерес сохранится.

Вопрос про свет и тьму я бы подразделил на две части: про свет и тьму самого Канта и про свет и тьму кантоведения. Канту не была свойственна такая световая метафорика, которая буквально бросалась в глаза у его предшественника и оппонента Хр. Вольфа. Большинство философских работ Вольфа содержат восхитительные фронтисписы, и многие из них изображают Солнце: оно то сияет и радуется, как на детских рисунках, то скрывается скрыто тучами, то совсем не пробивается к Земле, то опять находит какую-то возможность светить между тучами...¹¹ Для Вольфа эволюция фронтисписов одновременно означала эволюцию понимания своей собственной философии в тех непростых условиях, в которых она развивалась в первой половине XVIII в. Канту в такой визуальной форме это было не свойственно. Но если говорить о самых важных идеях Канта, которые мне представляются сегодня как «свет», то это его понимание достоинства личности, рассуждения про свободу, критический метод, попытка избавить нас от наивных ожиданий от науки, постоянное обдумывание потенциала и границ нашего познания и, что еще очень важно, – по крайней мере пока Кант был в силе, – это кантовская попытка поставить под вопрос даже самого себя. Последнее не так часто встречается даже среди очень известных и знакомых философов.

Однако определенные темные стороны у Канта, к сожалению, тоже присутствуют. И совершенно неправильно было бы о них умалчивать. Ряд черт кантовской философии могут сегодня вызывать оторопь, а некоторые – и вовсе отвращение, причем речь идет о критическом периоде творчества философа. В частности, рассуждения про убийство незаконнорожденных детей в «Метафизике нравов»¹² без ужаса можно читать с трудом. Удивительно, что этот пассаж принадлежит автору этического учения, основу которого составляет категорический императив. У Канта присутствуют как

⁸ Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. I. М., 1994. С. 127.

⁹ См.: Блок А.А. «Сижу за ширмой...» // Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. I. М., 1997. С. 162.

¹⁰ См.: Кржижановский С.Д. Жизнеописание одной мысли // Кржижановский С.Д. Собрание сочинений: в 5 т. Т. I. СПб., 2001. С. 139–146; Он же. Катастрофа // Там же. С. 123–132.

¹¹ См. о фронтисписах в работах Вольфа: Schneiders W. Das Bild der Philosophie // Schneiders W. Hoffnung auf Vernunft. Aufklärungsphilosophie in Deutschland. Hamburg, 1990. S. 49–110.

¹² См.: Кант И. Метафизические первоначала учения о праве // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. V. Ч. 1. М., 2014. С. 375–377.

минимум странные рассуждения о женщинах, об их избирательном праве. Ряд кантовских высказываний про жителей других континентов как минимум носят налет расизма, и написаны они с позицией незамутненного европоцентризма, что было, кстати, характерно далеко не для всех его современников – в частности, не для бывшего кантовского студента И.Г. Гердера¹³. Вопросы о том, насколько эти черты эссенциальны для кантовской философии, а в какой мере они, скорее, представляют собой бытовые предрассудки, влияние пресловутого «духа времени», преодолеваются ли они кантовским этическим учением или нет, по большому счету, ведут к более важному и фундаментальному вопросу о том, кто такой человек и что такое человечество. С одной стороны, Кант распространяет нравственные предписания в произведениях критического периода – в частности, категорический императив – на всех разумных существ, класс которых явно шире, чем класс людей. Иногда он даже готов был рассматривать теоретические проблемы государства, образуемого «народом чертей»¹⁴. С другой стороны, вопрос о том, кто именно попадает в класс людей на Земле, если оставить в стороне возможных инопланетян где-то за пределами Земли (в существование которых Кант верил с первых своих произведений докритического периода и до конца жизни), требует очень серьезного обсуждения, от которого нельзя уходить: не получается ли в действительности так, что Кант не только не выходит за границы всех людей в сторону разумных существ, но, напротив, сужает класс «всех людей» до одних только белых мужчин и выдает западноевропейское за «общечеловеческое», агрессивно навязывая его тем самым всем другим и отрицая все альтернативные формы как «неразумные»?

Если же говорить о кантоведении, то и в нем имеются и свет, и тени, и даже определенная тьма. Начать стоило бы все же с лучезарного. В последние десятилетия были опубликованы некоторые прорывные штудии, которые смогли разъяснить нам многие непонятные кантовские положения и открыть новые горизонты понимания кантовской философии. Так, можно вспомнить итальянского кантоведа Дж. Тоннели с работами про влияние некоторых философских предшественников на Канта, про роль аристотелизма и аристотелевской терминологии, заново понятой и по-другому трактованной в кантовском творчестве¹⁵, или немецкого кантоведа Н. Хинске с его работами про антиномии¹⁶ или про значение первого печатного произведения Канта¹⁷, или другого немецкого кантоведа В. Штарка с его неустанной деятельностью по отысканию и изучению разнообразных источников, на которые опирался Кант, – будь то в антропологии¹⁸ (это была совместная работа

¹³ См. в первую очередь: *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

¹⁴ *Кант И.* К вечному миру // *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. I. М., 1994. С. 419.

¹⁵ См.: *Tonelli G.* Das Wiederaufleben der deutsch-aristotelischen Terminologie bei Kant während der Entstehung der «Kritik der reinen Vernunft» // *Archiv für Begriffsgeschichte.* 1964. Bd. 9. S. 233–242.

¹⁶ См.: *Hinske N.* Kants Begriff der Antinomie und die Etappen seiner Ausarbeitung // *Kant-Studien.* 1966. Bd. 56. S. 485–496; *Idem.* Kants Begriff der Antithetik und seine Herkunft // *Archiv für Begriffsgeschichte.* 1972. Bd. 16. S. 48–59.

¹⁷ См.: *Hinske N.* Kants Weg zur Transzendentalphilosophie. Der dreißigjährige Kant. Stuttgart, 1970.

¹⁸ См.: *Kant I.* Gesammelte Schriften. Bd. XXV: Vorlesungen über die Anthropologie. Berlin, 1997.

с Р. Брандом) или в физической географии¹⁹. Кантоведение как специальную сферу историко-философской науки очень сильно продвинули такие методы исследования, которые предполагают электронную обработку текста. В отношении дигитализации и опирающихся на нее специальных методов по датировке, лексическому анализу текста кантоведение выступило в числе пионеров, и это было важно для всей истории философии.

Но при этом мы можем сказать: то, что сделано, и то, что не сделано, представляет собой какой-то постоянный изменяющийся процесс. Еще относительно недавно многим кантоведам казалось, что с «Основоположением к метафизике нравов» достигнута искомая ясность. Появилось большое число комментариев, специальные работы, вскрывающие аргументативные структуры Канта. Казалось, что больше сказать уже нечего. Но вдруг возникает проблема с «Menschheit», человечеством/человечностью, и с пониманием этого ключевого понятия, которое по умолчанию считалось не вызывающим особых затруднений. В рамках русскоязычного кантоведения это сочинение также вызывает сегодня определенные трудности. После того как в 1997 г. в третьем томе двуязычного издания кантовских сочинений, подготовленного Э.Ю. Соловьевым и А.К. Судаковым, был опубликован новый перевод «Основоположения к метафизике нравов»²⁰, явившийся большим шагом вперед и несомненным достижением, к 2014 г., т.е. к моменту публикации в этом собрании сочинений первой книги «Метафизики нравов»²¹, подготовленной Н.В. Мотрошиловой, вдруг было осознано, что имеется серьезная трудность в передаче кантовских терминов «Tat» и «Handlung» как действия/поступка – причем как для «Основоположения...», так и для «Метафизики нравов». Этот процесс будет, вероятно, продолжаться, что совершенно нормально. Или другой пример: долгое время о кантовских лекциях «Естественное право Фейерабенд» почти не было никаких специальных публикаций. Но недавно на немецком языке появилось новое исправленное критическое издание этих лекций под редакцией Дж. Садун Бордони и Н. Хинске²², и это новое издание инициировало целую волну исследований о кантовских лекциях по естественному праву. То, что долгое время пребывало в тени кантоведения, вдруг продемонстрировало свой серьезный научный потенциал и актуальность.

К темным сторонам кантоведения я бы отнес, в специфическом смысле, огромные потоки литературы, причем на самых разных языках, которые давно уже невозможно основательно обзреть – даже бывшие попытки создать одну лишь библиографию работ о Канте на различных языках выглядели чудовищными по размеру фолиантами²³. Для предыдущих поколений известных кантоведов, в частности немецких, которые учились в гимназиях еще в первой половине XX в., было характерно, что если они и не были полиглотами в полном смысле этого слова, то в любом случае помимо хорошего знания древнегреческого и латыни как минимум сносно владели еще несколькими западноевропейскими языками. Со временем стала возникать

¹⁹ См.: *Kant I. Gesammelte Schriften. Bd. XXVI. 1-2: Vorlesungen über Physische Geographie.* Berlin, 2009–2020.

²⁰ *Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. III. М., 1997. С. 39–275.*

²¹ См.: *Кант И. Метафизические первоначала учения о праве. С. 17–475.*

²² См. последнее издание: *Kant I. Naturrecht Feyerabend. Stuttgart-Bad Cannstatt, 2024.*

²³ См., например: *Adickes E. German Kantian Bibliography. Würzburg, 1970.*

проблема: когда пришло новое поколение молодых исследователей, которые значительно хуже владели иностранными языками, то они сталкивались с регулярными вопросами со стороны старших коллег на тему о том, могут ли они читать по-французски, по-итальянски и т.д., поскольку важная исследовательская литература по избранной теме была написана именно на этих языках. Постепенный массовый переход к англоязычному кантоведению, причем даже немецких кантоведов, добром не является, притом что всю новую исследовательскую литературу тем самым читать оказывается легче. Но огромные иноязычные пласты написанных и опубликованных работ остаются для многих исследователей совершенно неизвестными и недоступными. Эта фрагментация внутри кантоведения приводит к тому, что даже сами кантоведы, обращаясь к обсуждению каких-то вопросов, не затрагивающих непосредственно их узкую сферу интереса, уже не всегда понимают сложившуюся жаргонную терминологию, применяемую в смежных ветвях кантоведения. Порой все это ведет к повторным изобретениям велосипедов. И еще одна деталь порой открывается в этих высокопрофессиональных работах: за важной технической стороной иногда теряется нерв, смысл и глупина кантовской философии.

Сохраняется в кантоведении и немало содержательных проблем: по-прежнему странный статус ряда печатных произведений Канта, непонятная связь антропологии в широком смысле слова и этики в связи с тем, о ком все-таки говорит Кант как о человеке и о человечестве, многочисленные частные вопросы – например, связь и различие дедукции в «Критике чистого разума» и дедукции в «Метафизике нравов». Здесь мы, увы, наблюдаем и аналоги большой лодки Робинзона Крузо, которую он с огромным трудом изготовил посреди острова, но так и не смог дотащить до берега. Кстати, Кант в лекциях по естественному праву в качестве примера и сам упоминает этого литературного героя Д. Дефо²⁴. Обсуждение проблемы Кант/Юм напоминает именно эту робинзоновскую лодку: чудовищный поток литературы на разных языках, многочисленные усилия нескольких поколений кантоведов, а по большому счету мы остались почти там же, где находились и в самом начале. Или другой случай – монументальная фигура Хр.А. Крузия, к которой как-то всерьез и подступиться не удастся. Несмотря на общее понимание того, что это важная тема с точки зрения влияния на кантовскую философию и ее становление, за два столетия по большому счету так и не было написано ничего прорывного на эту тему²⁵. Или же частный случай отечественного кантоведения, в котором накопилось довольно много проблем с переводом кантовских текстов, хотя сделано несколькими поколениями русских переводчиков было невероятно много, особенно учитывая, насколько меньше в мире носителей русского языка по сравнению с теми же носителями английского языка. Тем не менее, несмотря на все отечественные достижения, порой из-за неудачных или корявых переводов возникают странные политические эксцессы²⁶. Поэтому работы здесь предстоит еще

²⁴ См.: *Kant I. Naturrecht* Feyerabend. S. 6.

²⁵ См. последнюю работу о некоторых аспектах творчества Крузия: Christian August Crusius (1715–1775): *Philosophy between Reason and Revelation*. Berlin, 2021.

²⁶ См. об этом: *Круглов А.Н. «Вашего Импер. Величества всеподданнейший раб Иммануил Кант»: о некоторых трудностях перевода письма Канта к царице Елизавете Петровне // Transfer – Kultur – Akteur. Сборник статей к 60-летию Дирка Кемпера. М., 2019. С. 197–203.*

очень много. Но в этой работе до сих пор очень мало был задействован не самый очевидный потенциал. Как правило, говоря о кантоведении, мы ориентируемся на немецкоязычные, италияязычные или англоязычные исследования. Но при переводческой деятельности на русский язык это не всегда может помочь²⁷. Весьма продуктивным было бы обсуждение переводческих затруднений с коллегами-славянами – кантоведами из Польши, Словакии, Словении... Когда в последние годы подобное обсуждение удавалось осуществить²⁸, оно было очень полезным – выяснялось, что ряд проблем сходны, а исследователи в большинстве случаев понимают друг друга и без перевода, потому что нередко хватает общего корня славянских языков, чтобы сравнить найденные в разных языках варианты решения тех или иных затруднений. Жаль, что раньше, при благоприятной для этого обстановке, подобные дискуссии были лишь единичными. Но, может быть, когда-нибудь общая ситуация еще изменится, и мы сможем использовать это в российском кантоведении.

Список литературы

- Блок А.А. «Сижу за ширмой...» // Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1. М.: Наука, 1997. С. 162.
- Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Наука, 1977.
- Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum*) / Пер. с нем.; под ред. В.А. Жучкова. М.: Наука, 2000.
- Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / Под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. Т. I. М.: Ками, 1994. С. 353–477.
- Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами переводов на русский и европейские языки; под ред. В.А. Жучкова. М.: Наука, 1998.
- Кант И. Метафизические первоначала учения о праве // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / Под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. Т. V. Ч. 1. М.: Канон+, 2014. С. 17–475.
- Кант И. Основоположение к метафизике нравов / Пер. с нем. А.К. Судакова // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / Под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. Т. III. М.: Московский философский фонд, 1997. С. 39–275.
- Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / Под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. Т. I. М.: Ками, 1994. С. 127–147.
- Кржижановский С.Д. Жизнеописание одной мысли // Кржижановский С.Д. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2001. С. 139–146.
- Кржижановский С.Д. Катастрофа // Кржижановский С.Д. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2001. С. 123–132.
- Кржижановский С.Д. Якоби и «Якобы» // Кржижановский С.Д. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2001. С. 107–122.
- Круглов А.Н. «Вашего Импер. Величества всеподданнейший раб Иммануил Кант»: о некоторых трудностях перевода письма Канта к царице Елизавете Петровне // *Transfer – Kultur – Akteur*. Сборник статей к 60-летию Дирка Кемпера / Под ред. Н.А. Бакши, А.И. Жеребина, И. Перцген, Э. Шоре. М.: РГГУ, 2019. С. 197–203.

²⁷ См., напротив, удачный пример такого рода: Кант И. Критика чистого разума. М., 1998.

²⁸ Как это, например, имело место на конференции «The Philosophy of Immanuel Kant and Its Reception» в университете Торуня в 2019 г.

- Круглов А.Н., Саликов А.Н., Жаворонков А.Г. Ранние биографии Канта и их значение для понимания его философии // Историко-философский ежегодник. 2023. Т. 38. С. 205–252.
- Мысли Иммануила Канта, выбранные Л.Н. Толстым / Пер. с нем. С.А. Порецкого; общ. ред., предисл., примеч. А.Н. Круглова. М.: Канон+, 2020.
- Фихте И.Г. Первое введение в наукоучение / Пер. с нем. // Фихте И.Г. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / Сост. и примеч. В. Волжского. СПб.: Мифрил, 1993. С. 443–476.
- Хинске Н. Первоначальная интуиция и [дальнейшая] догматизация. Кантово различие между «учиться философии» и «учиться философствовать» и его предыстория. Программная идея самостоятельного мышления // Хинске Н. Между Просвещением и критикой разума: этюды о корпусе логических работ Канта; Без примечаний: афоризмы / Пер. с нем.; под ред. Н.В. Мотрошиловой. М.: Культурная революция, 2007. С. 59–81.
- Adickes E. German Kantian Bibliography. Würzburg: «Journalfranz» Liebing, 1970.
- Christian August Crusius (1715–1775): Philosophy between Reason and Revelation / Ed. by F. Grunert, A. Hahmann, G. Stiening. Berlin: Walter de Gruyter, 2021.
- Hinske N. Kants Begriff der Antinomie und die Etappen seiner Ausarbeitung // Kant-Studien. 1966. Bd. 56. S. 485–496.
- Hinske N. Kants Begriff der Antithetik und seine Herkunft // Archiv für Begriffsgeschichte. 1972. Bd. 16. S. 48–59.
- Hinske N. Kants Weg zur Transzendentalphilosophie. Der dreißigjährige Kant. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1970.
- Kant I. Naturrecht Feyerabend / Hrsg. von G. Sadun Bordonì. Stuttgart-Bad Cannstatt: frommann-holzboog, 2024.
- Kant I. Gesammelte Schriften. Bd. XXV: Vorlesungen über die Anthropologie / Bearb. von R. Brandt, W. Stark. Berlin: Walter de Gruyter, 1997.
- Kant I. Gesammelte Schriften. Bd. XXVI. 1–2: Vorlesungen über Physische Geographie / Bearb. von W. Stark in Zusammenarbeit mit R. Brandt. Berlin: Walter de Gruyter, 2009–2020.
- Lenk H. Wozu Philosophie. Eine Einführung in Frage und Antwort. München: Piper, 1974.
- Schneiders W. Das Bild der Philosophie // Schneiders W. Hoffnung auf Vernunft. Aufklärungsphilosophie in Deutschland. Hamburg: Meiner, 1990. S. 49–110.
- Tonelli G. Das Wiederaufleben der deutsch-aristotelischen Terminologie bei Kant während der Entstehung der «Kritik der reinen Vernunft» // Archiv für Begriffsgeschichte. 1964. Bd. 9. S. 233–242.
- Wozu Philosophie? Stellungnahmen eines Arbeitskreises / Hrsg. von H. Lübbe. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1978.

The “light” and “darkness” of Kant and Kant studies

Alexei N. Krouglov

Russian State University for the Humanities. 6 Miusskaja Pl., Moscow, 125047, Russian Federation; e-mail: akrouglov@mail.ru

In the anniversary year of 2024, the question has repeatedly arisen regarding the reasons for turning to I. Kant and maintaining interest in his philosophy. First, Kant has long been an integral element of Russian culture, and as a historical figure he continues to captivate the general public. Second, Kant holds a central position in the modern philosophical tradition, which cannot be overlooked by those who align with its basic principles and assumptions. Kant, as a philosopher, presents several “illuminating” aspects: his understanding of individual dignity, his “redemption” of human freedom, his critical method, and his reflection on the potential and limits of human cognition. However, the “darker” aspects of Kantian philosophy include such issues as his problematic views on race, his segregationist interpretation of “mankind”, and his stance on the role and suffrage

of women. Kant studies, as a specialized branch of historical and philosophical scholarship, has achieved remarkable progress in clarifying various Kantian positions. Examples of groundbreaking contributions include the works of G. Tonelli, N. Hinske, and W. Stark. Nevertheless, the immense volume of research literature on Kant makes comprehensive navigation challenging. Additionally, the increasing Anglicization of contemporary Kant studies has marginalized significant contributions in other languages. Despite the extensive translation efforts of Russian Kant studies, a noticeable number of translation issues have accumulated in Kant's Russian-language texts. Cooperation with translators of Kant's works into other Slavic languages could serve as an underutilized resource for further improving the quality of Kant's translations into Russian.

Keywords: Kant, Kantian studies, Russian Kant Studies, mankind, humanity, Russian literature, Kant's translations

For citation: Krouglov, A.N. “‘Svet’ i ‘t’ma’ Kanta i kantovedeniya” [The ‘light’ and ‘darkness’ of Kant and Kant studies], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2025, Vol. 18, No. 2, pp. 23–33. (In Russian)

References

- Adickes, E. *German Kantian Bibliography*. Würzburg: “Journalfranz” Liebing, 1970.
- Blok, A.A. “‘Sizhu za shirnoj...’” [‘I am sitting behind a screen...’], in: A.A. Blok, *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1997, p. 162. (In Russian)
- Fichte, J.G. “Pervoe vvedenie v naukouchenie” [First introduction to Science of Knowledge], in: J.G. Fichte, *Sochineniya* [Works], Vol. 1, ed. by V. Volzhskii. St. Petersburg: Mifril Publ., 1993, pp. 443–476. (In Russian)
- Grunert, F., Hahmann, A. & Stiening, G. (eds.) *Christian August Crusius (1715–1775): Philosophy between Reason and Revelation*. Berlin: Walter de Gruyter, 2021.
- Herder, J.G. *Idey k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas to the philosophy of the history of mankind], transl. by A.V. Mikhailov. Moscow: Nauka Publ., 1977. (In Russian)
- Hinske, N. “Kants Begriff der Antinomie und die Etappen seiner Ausarbeitung”, *Kant-Studien*, 1966, Bd. 56, S. 485–496.
- Hinske, N. *Kants Weg zur Transzendentalphilosophie. Der dreißigjährige Kant*. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1970.
- Hinske, N. “Kants Begriff der Antithetik und seine Herkunft”, *Archiv für Begriffsgeschichte*, 1972, Bd. 16, S. 48–59.
- Hinske, N. “Pervonachal’naya intuiciya i <dal’nejshaya> dogmatizaciya. Kantovo razlichenie mezhdru ‘uchit’sya filosofii’ i ‘uchit’sya filosofstvovat’ i ego predystoriya. Programmaya ideya samostoyatel’nogo myshleniya” [Initial intuition and <further> dogmatization. Kant’s distinction between ‘learning to philosophize’ and ‘learning to philosophize’ and its background. Program idea of independent thinking], in: N. Hinske, *Mezhdru Prosveshcheniem i kritikoi razuma: etyudy o korpuse logicheskikh rabot Kanta; Bez primechanii: aforizmy* [Between Enlightenment and Criticism of Reason: Etudes on Kant’s corpus of logical works; Without notes: aphorisms], ed. by N.V. Motroshilova. Moscow: Kul’turnaya revolyuciya Publ., 2007, pp. 59–81. (In Russian)
- Kant, I. “K vechnomu miru” [Toward Eternal Peace], in: I. Kant, *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in German and Russian], Vol. I, ed. by N.V. Motroshilova, B. Tuschling. Moscow: Kami Publ., 1994, pp. 353–477. (In Russian)
- Kant, I. “Metafizicheskie pervonachala ucheniya o prave”, in: I. Kant, *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in German and Russian], Vol. V, 1, ed. by N.V. Motroshilova, B. Tuschling. Moscow: Kanon+ Publ., 2014, pp. 17–475. (In Russian)
- Kant, I. “Osnovopolozhenie k metafizike nravov” [Groundwork for a metaphysics of morals], in: I. Kant, *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in German and Russian], Vol. III, ed. by N.V. Motroshilova, B. Tuschling. Moscow: Moskovskii filosofskii fond Publ., 1997, pp. 39–275. (In Russian)

- Kant, I. "Otvét na vopros: chto takoe prosveshchenie?" [The answer to the question: what is enlightenment?], in: I. Kant, *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in German and Russian], Vol. I, ed. by N.V. Motroshilova, B. Tuschling. Moscow: Kami Publ., 1994, pp. 127–147. (In Russian)
- Kant, I. *Gesammelte Schriften, Bd. XXV: Vorlesungen über die Anthropologie*, bearb. von R. Brandt, W. Stark. Berlin: Walter de Gruyter, 1997.
- Kant, I. *Gesammelte Schriften, Bd. XXVI, 1–2: Vorlesungen über Physische Geographie*, bearb. von W. Stark in Zusammenarbeit mit R. Brandt. Berlin: Walter de Gruyter, 2009–2020.
- Kant, I. *Iz rukopisnogo naslediya (materialy k 'Kritike chistogo razuma', Opus postumum)* [From the manuscript heritage (materials for 'Critique of Pure Reason', Opus postumum)], ed. by V.A. Zhuchkov. Moscow: Nauka Publ., 2000. (In Russian)
- Kant, I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason], transl. by N.O. Lossky, with variant translations into Russian and European languages; ed. by V.A. Zhuchkov. Moscow: Nauka Publ., 1998. (In Russian)
- Kant, I. *Naturrecht Feyerabend*, hrsg. von G. Sadun Bordoni. Stuttgart-Bad Cannstatt: frommann-holzboog, 2024.
- Kruglov, A.N. "«Vashego Imper. Velichestva vsepoddannejšii rab Immanuel Kant': o nekotoryh trudnostyah perevoda pis'ma Kanta k carice Elizavete Petrovne" ['Your Imperial. Your Imperial Majesty's most obedient servant Immanuel Kant': about some difficulties in translating Kant's letter to Tsarina Elizabeth Petrovna], *Transfer – Kultur – Akteur. Sbornik statej k 60-letiyu Dirka Kempera* [Transfer – Kultur – Akteur. Collection of articles for the 60th anniversary of Dirk Kemper], ed. by N.A. Bakshi, A.I. Zherebin, I. Pörzgen, E. Chauré. Moscow: RGGU Publ., 2019, pp. 197–203. (In Russian)
- Kruglov, A.N., Salikov, A.N. & Zhavoronkov, A.G. "Rannie biografii Kanta i ih znachenie dlya ponimaniya ego filosofii" [Early biographies of Kant and their significance for understanding his philosophy], *Istoriko-filosofskij ezhegodnik*, 2023, Vol. 38, pp. 205–252. (In Russian)
- Krzhizhanovskii, S.D. "Katastrofa" [Disaster], in: S.D. Krzhizhanovskii, *Sobranie sochinenii* [Collected Works], Vol. 1. St. Petersburg: Simpozium Publ., 2001, pp. 123–132. (In Russian)
- Krzhizhanovskii, S.D. "Yakobi i 'Yakoby'" [Jacobi and 'Allegedly'], in: S.D. Krzhizhanovskii, *Sobranie sochinenii* [Collected Works], Vol. 1. St. Petersburg: Simpozium Publ., 2001, pp. 107–122. (In Russian)
- Krzhizhanovskii, S.D. "Zhizneopisanie odnoi mysli" [Life of a thought], in: S.D. Krzhizhanovskii, *Sobranie sochinenii* [Collected Works], Vol. 1. St. Petersburg: Simpozium Publ., 2001, pp. 139–146. (In Russian)
- Lenk, H. *Wozu Philosophie. Eine Einführung in Frage und Antwort*. München: Piper, 1974.
- Lübbe, H. (Hg.) *Wozu Philosophie? Stellungnahmen eines Arbeitskreises*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1978.
- Porecky, S.A. (tr.) & Kruglov, A.N. (ed.) *Mysli Immanuila Kanta, vybrannye L.N. Tolstym* [Thoughts of Immanuel Kant, selected by L.N. Tolstoy]. Moscow: Kanon+, 2020. (In Russian)
- Schneiders, W. "Das Bild der Philosophie", in: W. Schneiders, *Hoffnung auf Vernunft. Aufklärungsphilosophie in Deutschland*. Hamburg: Meiner, 1990, S. 49–110.
- Tonelli, G. "Das Wiederaufleben der deutsch-aristotelischen Terminologie bei Kant während der Entstehung der 'Kritik der reinen Vernunft'", *Archiv für Begriffsgeschichte*, 1964, Bd. 9, S. 233–242.